

То, что фестиваль музыки Прокофьева завершился уходящий год, для Марининского театра стало итогом вполне закономерным — в 1989 году для оперной труппы был действительно «годом Прокофьева».

ПЕРВОЙ премьерой стала почти пятичасовая опера «Война и мир» — спектакль, громоздкий во всех отношениях: около пяти дней уходит на установку лапидарных, но технически сложных и больших по размерам декораций, и два дня — на демонтаж. Несмотря на это, сценическое воплощение «Войны и мира» трудно назвать удачным (о чем мне, впрочем, уже писать доводилось). Однако эта огромная работа имела значительный резонанс во всем мире — помимо трансляции английским телевидением на десятки стран, записи оперы уже «пошла по рукам» многих ведущих телекомпаний. (Разумеется, кроме ТВ Петербурга, Российского и Центрального ТВ).

Затем — «Любовь к трем апельсинам»: спектакль, который имел все возможности для того, чтобы стать праздником Театра — но версия Александра Петрова явила публике некое подобие постановки детского театра «Зазеркалье», «вздутого» до масштабов Марининского театра.

«Игроки» — вне всякого сомнения, кульминация нынешнего, столь небывалого для Марининки «парада премьер». Впрочем, объясняется сей факт довольно просто — во-первых, здесь сыграло свою роль и либретто, в отличие от многих других опер Прокофьева, лишённое драматургических «провалов» и мотиваций в поступках героев, для зрителя, не озабочившегося заранее с литературным первоисточником, зачастую абсолютно ясным. Во-вторых, — это приглашение Валерием Гергиевым на постановку «Игрока» Темура Чхеидзе — и дебют этого выдающегося режиссера в опере произвел впечатление работы зрелого мастера музыкального театра, — несмотря на то, что накануне премьеры Темуру Нодаровичу признавался: «Честно говоря, я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что они

поют!».

ПОСЛЕДНЯЯ же постановка — «Огненный ангел» — вопреки ожиданиям Валерия Гергиева, «скандальной» не стала. Не стала главным образом потому, что наша публика готова скандальить пока лишь по «колбасно-транспортно-социальным» вопросам; и хоть уже и раздаётся порой в партере бодрящий свист в ответ на «уроловое» ление Визолетты — до живой и заинтересованной реакции меломанов на происходящее на сцене нам еще, увы, далеко. Самое грустное здесь, что как «провальные», так и блистательные выступления вознаграждаются публичкой примерно одинаковым количеством аплодисментов — и великодушный концерт с участием Виктора Третьякова, увы, тому лучшее подтверждение.

Некая «скандальность» же «Огненного ангела» заключается в оргиастической сцене финала оперы, где одержимые бесами монастырские послушницы раздеваются донага — случай для императорской сцены беспрецедентный.

Я неспроста вернулся к «Огненному ангелу» после недавней рецензии, ибо постановка эта имеет одну присущую особенность: от спектакля к спектаклю она нравится все меньше и меньше. И склонен я объяснить это некоторым «драматическим вакуумом»; во многих сценах режиссура Дэвида Фримэна наделяет артистов лишь неким схематическим рисунком роли, не «нагружая» их сколько-нибудь значительной актерской задачей.

...ОДНАКО на то и существуют новые спектакли и постановки, чтобы вызывать споры: но абсолютно бесспорным обстоятельством является то, что меломаны Петербурга возмещают

возможность не только познакомиться с оперным творчеством Прокофьева (а не одной-двумя операми), но и получить достаточно полное представление о Прокофьеве-композиторе. Судите сами: «Сны» (ор. 6), Первый и Второй скрипичные концерты, Третий и Шестой симфонии, «Семеро их», «Иван Грозный»... — вот далеко не полный список музыки Сергея Прокофьева, прозвучавшей на концертах Валерия Гергиева и оркестра Марининки.

Не ради красного словца в одной из публикаций я задавал вопросом — не переместился ли эпицентр музыкальной жизни Петербурга в Марининку? Нельзя не отметить огромные заслуги Валерия Гергиева на ниве музыкально-просветительской работы, пусть даже не всегда равноценной по художественному результату (где, впрочем, он сам себе деулконо «завывает планку»; и после прекрасного исполнения Третьей симфонии Прокофьева хотелось бы услышать, скажем, Шестую, исполненную с меньшим блеском).

Однако Гергиев работает с такой одержимостью, которая «заводит» весь театр — и в том, что оперная труппа стала работать — еще одна несомненная его заслуга. Ведь то, что, по определению некоторых журналистов, образует «бешеный, изматывающий, доводящий до бесчувствия ритм, немислимые требования и возмутительные сроки сдачи спектаклей» — для ведущих театров Запада является нормой уже не одно десятилетие. Правда, если проводить параллель с Западом и дальше, то оставляет еще желать лучшего организация планов и репертуара театра — ведь в других театрах мира вы в

начале сезона уже имеете буклет с настоящим точным расписанием спектаклей, концертов и исполнителей, что любое изменение в нем несет характер ЧП. Но... Марининка — это оазис мировой музыкальной культуры в нашей, далеко не цивилизованной стране. И, к примеру, в том, что срываются сроки премьеры «Дон Карлоса», вины театра нет и в помине. Да и солисты наши, порой удаляются в «капризы», стремясь нажить этакие «звездные» дивиденды порой весьма сомнительным образом...

Развалена экономика, в руинах некогда славный оркестр ЗКР — но, невзирая на отъезд «за бугор» довольно большого числа не последних артистов оркестра, Марининский оркестр «звучит» все лучше; в театре собираются лучшие вокальные силы разных поколений — это и Булат Миняйкин, и Гегам Григорян, молодые солисты Елена Прохорова, Александр Гергазов... Воистину поклонники оперы есть чем гордиться — Марининка сегодня живет насыщенной и подножковой музыкальной жизнью в среде являющихся замечательными и волеуразрушающими «храмов музыки» и «эксплабораторий советской оперы».

СЛОЖИЛОСЬ так, что Марининский театр и сегодня — единственное место в Петербурге, где можно увидеть и услышать настоящий оперный спектакль, что называется, «высокой пробы». И здесь, конечно, спрос с главного дирижера возрастает — Марининка, можно сказать, «отдала долги» Прокофьеву — но в числе «кобленных» до сих пор и Верди, и Пуччини, и Моцарт... Конечно, «никто не обнимет необъятного» — но так порой хочется...

Я же хочу пожелать и Валерию Гергиеву, и всей труппе, чтобы наступающий год был насыщен работой и новыми событиями не меньше, чем прошлый — даже если (после двух посещений закулисного буфета) он вдруг и показался некоторым журналистам «бешеным, невероятным и потрескившим организмом театра».

Ведь критикам тоже нужна работа...

Кирилл ШЕВЧЕНКО

См. «С.-П. Петербург» — 1992 — 14 авг.

И МЕЛОМАНАМ ХОРОШО, И КРИТИКАМ РАБОТА...